

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег. №14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

№ 03-01/21

комиссии специалистов ГЛЭДИС
в форме научно-методической рецензии
на заключение эксперта Шмелевой А.И.
№ СЭЦ-113/6-15л/20 от 17.11.2020

по материалам уголовного дела №12002007703000140

г. Москва

«24» января 2021 г.

Время производства исследования:

Исследование начато: «25» декабря 2020 г. в 16 часов 30 минут.

Исследование окончено: «24» января 2021 г. в 12 часов 45 минут.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Основания производства лингвистического исследования (научно-методического рецензирования):

- договор № 31-12/20 от 18 декабря 2020 г. о комплексном психолого-лингвистическом исследовании представленных материалов уголовного дела №12002007703000140 с составлением заключения комиссии специалистов в форме научно-методической рецензии на заключение эксперта Шмелевой А.И. № СЭЦ-113/6-15л/20 от 17.11.2020;

- приказ председателя правления Региональной общественной организации «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

(ГЛЭДИС)» проф. М. В. Горбаневского № 19/12-20п от 23.12.2020 о формировании комиссии специалистов-лингвистов для проведения научно-экспертных работ по договору № 31-12/20 РОО ГЛЭДИС с А.Е. Глазковой от 18 декабря 2020 г.

Рецензирование выполнено комиссией специалистов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) в следующем составе:

- члена Научно-методического совета Гильдии в субъектах РФ и за рубежом, **ДАВЫДОВА Сергея Владимировича** — кандидата психологических наук, доцента кафедры общей и социальной психологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И.Лобачевского (специальность: «19.00.05 – Социальная психология»), диплом кандидата психологических наук ДКН №102927 от 19.02.2010 г., стаж научной деятельности и работы по специальности — 18 лет, руководителя программы «Современные психотехнологии личностного роста» факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки ННГУ, постоянного члена экспертной группы ННГУ при проведении судебных психолого-лингвистических экспертиз;

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, начальника научно-методического отдела ГЛЭДИС **ЖАРКОВА Игоря Вениаминовича** — кандидата филологических наук (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика»), диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г., стаж научной деятельности и работы по специальности — 32 года, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 021-20/36-сэ от 10.01.2020 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 10 января 2020 г., протокол № 11);

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС — кандидата филологических наук, доцента кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И.Лобачевского **КОЛТУНОВОЙ Елизаветы Аркадьевны** (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом кандидата филологических наук № ФЛ 006129 от 27.09.1983 г., стаж научной деятельности и работы по специальности – 42 года, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 023-20/36-сэ от 10.01.2020 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 10 января 2020 г., протокол №11), главного лингвиста-эксперта консалтинговой фирмы «Колтунов и партнёры», члена Общественного совета при ГУ МВД по Нижегородской области;

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Заместителя Председателя Правления ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов **ТРОФИМОВОЙ Галины Николаевны** (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 024624 от 18.02.2005 г., стаж научной деятельности и работы по специальности - 31 год, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 046-

20/36-сэ от 21.01.2020 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 21 января 2020 г., протокол №19), эксперта РАН.

Перед комиссией специалистов поставлены следующие задачи:

- дать специальную (лингвистическую, психологическую, научно-методическую, с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) оценку обоснованности выводов эксперта Шмелевой А.И. в представленном заключении № СЭЦ-113/6-15л/20 от 17.11.2020 г.;
- дать специальную (лингвистическую, психологическую, научно-методическую, с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) оценку достоверности выводов эксперта Шмелевой А.И. в представленном заключении № СЭЦ-113/6-15л/20 от 17.11.2020 г.;
- дать специальную (лингвистическую, психологическую, научно-методическую, с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) оценку соответствия представленного заключения № СЭЦ-113/6-15л/20 от 17.11.2020 г. эксперта Шмелевой А.И. требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Настоящее заключение отражает результаты **комплексного психолого-лингвистического изучения текста заключения эксперта № СЭЦ-113/6-15л/20 от 17.11.2020** по материалам уголовного дела № 12002007703000140, составленного экспертом **А.И. Шмелевой**, являющегося в настоящее время частью материалов указанного уголовного дела.

Настоящее заключение выполнено **в форме научно-методической рецензии** на указанное экспертное заключение, содержит описание хода и результатов **изучения специального текста** (текста экспертного заключения), выражает специальную **научную** (лингвистическую, психологическую, экспертологическую) **и методическую оценку** формы указанного экспертного заключения и его содержания, включающего в себя совокупность специальных суждений экспертов, относящихся к областям лингвистики и психологии, в которых специалисты обладают специальными знаниями.

Поскольку основанием для производства настоящего исследования является гражданско-правовой договор, заключенный в порядке ст. 14 ГК РФ «Самозащита гражданских прав», процессуальный статус настоящего заключения может быть определен как **заключение специалистов**. Как и заключение эксперта, заключение специалиста отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности. Заключение специалиста содержательно относится к тому же жанру, что и заключение эксперта, и совпадает с ним по большинству параметров, **рассматривается в теории судебной экспертизы как часть судебно-экспертной деятельности**. Глубокий анализ системных свойств так называемой внесудебной, или досудебной экспертизы как части судебно-экспертной деятельности можно найти в монографии д.ю.н. С.А. Смирновой, в настоящее время – руководителя Российского федерального центра судебной экспертизы Министерства юстиции РФ, «Судебная экспертиза на рубеже XXI века» (с. 32–36). Как убедительно показано в этой работе, внесудебная экспертиза органично включена в деятельность судебно-экспертных учреждений, а также в правоохранительную деятельность государства, заключения специалистов составляют значительную долю в общем объеме продукции экспертного учреждения и имеют ту же цель, что и государственная судебно-экспертная деятельность, — установление доказательственных фактов с помощью специальных знаний; при последующем возбуждении судебных производств проведенные экспертные исследования, по результатам которых составляются заключения специалистов, на практике не отвергаются правоохранительными органами и судами, а признаются источниками судебных доказательств; внесудебные экспертизы, выполняющиеся в государственных судебно-экспертных учреждениях, как правило, проводятся и оформляются по правилам, установленным для государственной судебно-экспертной деятельности, в русле принципов и традиций этой деятельности, при этом в качестве основы проведения таких исследований принимаются методики судебно-экспертного исследования. По мнению С.А. Смирновой, нельзя недооценивать место и роль внесудебных экспертиз в общей структуре судебно-экспертной деятельности и рассматривать их как некую постороннюю деятельность. Следует заметить также, что как в гражданском, так и в уголовном процессе предусмотрен особый статус специалиста —

лица, которое обладает специальными познаниями и применяет их в практике судопроизводства, в том числе в форме внесудебных экспертных исследований.

Объектом изучения, по результатам которого составлено настоящее заключение, является специальный (в частности, содержащий специальные суждения, относящиеся к областям лингвистики и психологии, излагаемые с использованием терминов указанных предметных областей) текст представленного заключения эксперта № СЭЦ-113/6-15л/20 от 17.11.2020, составленного экспертом А. И. Шмелевой, — документа в жанре экспертных заключений, приобщённого к материалам уголовного дела № 12002007703000140.

Представленное заключение эксперта № СЭЦ-113/6-15л/20 от 17.11.2020, составленное экспертом А.И. Шмелевой, **имеет в данном уголовном деле статус спорного**: защитой ставится под сомнение обоснованность и достоверность выводов эксперта, а также соответствие текста указанного заключения требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Текст указанного заключения эксперта рассматривается специалистами как спорный материал, не получивший в данное время оценки, которая была бы зафиксирована в каком-либо судебном акте, вступившем в законную силу.

Научная и методическая литература:

1. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Мир, 2006.
3. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005.
5. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2006.
6. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. – М.: Стэнси, 2003.
7. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. – СПб.: ПИТЕР, 2004.

8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. – М.: Амалфея, 2003.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. – М., 2003.
10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. – М.: Норма, 2004.
11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. проф. Е.Р. Россинской. – Москва, 2006.
12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005.
13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004.
14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003.
15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
16. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007.
17. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2010.
18. Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2002.
19. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. проф. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
20. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул: АлтГПА, 2009.
21. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
22. Приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 "Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности", с приложениями. – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12089652/>
23. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
24. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. – С. 18-27.

25. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018 (4). – С. 31-36.
26. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы №1 (41) 2016. – С. 118-126.
27. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
28. Асмолов А.Г. Психология личности: Учебник. – М: Изд-во МГУ, 1990.
29. Конечкая В.П. Социология коммуникаций. Учебник. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997.
30. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011.
31. Матвеева Т.В. Непринужденный диалог как текст // Человек – Текст – Культура: Коллект. Монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 125-140.
32. Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов: Пер. с англ. – М., 1986.
33. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М., 1985.
34. Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Ленского. – М.: Институт психологии РАН, 1996.
35. Ратинова Н.А., Кроз М.В. О противодействии экстремизму негодными средствами: правовой, психологический и этический аспекты // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. 2013. № 1 (29). – С. 35-42
36. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1999.
37. Секераж Т.Н. Актуальные вопросы психологического исследования материалов по делам, связанным с проявлениями экстремизма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. №4. С.88–98. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73027.shtml>
38. Сухова Н.В. Интонация в речевом акте // Теория и практика германских и романских языков. Статьи по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск: УГПУ, 2002. – С. 108-110.
39. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. / Под ред. Г.Н.Скляревской. – М., 2007.
40. Чалдини Р. Психология влияния. 4-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2001.
41. Яницкий М.С. Предмет и методологические основания судебно-психологической экспертизы текста. // Вестник Кемеровского государственного университета № 3 (43) 2010. – С. 139-145

1. Относительно критериев специальной научно-методической и лингвистической оценки представленного заключения

По мнению комиссии специалистов-лингвистов ГЛЭДИС, для специальной научно-методической, лингвистической, экспертологической оценки представленного на рецензирование документа, присутствующего среди доказательств по уголовному делу, могут иметь значение следующие обстоятельства.

Исходя из формы и содержания представленного на исследование документа (в дальнейшем также *исследуемое заключение, спорное заключение, рецензируемое заключение*), он представляет собой единоличное заключение эксперта, составленное по результатам судебной экспертизы, проведенной экспертом-лингвистом Шмелевой А.И. на основании постановления следователя следственной группы ГСУ СК РФ, тем самым относится к жанру экспертных заключений.

Спорное заключение является одним из доказательств по уголовному делу, представляет собой оформленный в виде документа **текст на современном русском языке как государственном языке Российской Федерации** и допускает исследование в этом качестве специалистами-лингвистами. С учетом устной формы спорных продуктов речевой деятельности и особенностей вопросов, поставленных следствием перед экспертом-лингвистом А.И. Шмелевой, в комиссию включен также специалист по социальной психологии. Результаты **лингвистического исследования**, включающего в себя **специальную лингвистическую, научно-методическую и лингвоэкспертную (но не правовую) оценку спорного заключения, представлены** в настоящем заключении комиссии специалистов **в формате рецензии**.

Жанр экспертных заключений представляет собой контаминированный тип речи, находясь на стыке научного и официально-делового стилей современного русского языка. Заключение эксперта императивно регламентируется требованиями (наряду с нормами процессуального законодательства) закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», оказывающими влияние на форму и содержание заключения.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-

экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 1 указанного закона, с учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы государственными судебно-экспертными учреждениями, государственными и негосударственными судебными экспертами. Исходя из положений ст. 2 указанного закона, **задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в **установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта – «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую, помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и др.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных судебных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общеюридические) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми и не зависящими от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип независимости эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса

или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);

- принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции: «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);
- принцип объективности исследования: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- принцип проверяемости выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования: «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);
- принцип полноты экспертного исследования («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» – ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
- принцип всесторонности исследования («Эксперт проводит исследования... всесторонне» – ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному

вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса.

В статье 16 указанного закона, определяющей права и обязанности эксперта, принцип полноты экспертного исследования дополняется также обращенным к эксперту императивным требованием «провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам». Особое внимание законодатель обращает здесь на необходимость исследования всех представленных на экспертизу материалов, не ограничивающегося установленными экспертом объектами исследования по поставленным перед ним вопросам.

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;

- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

С учетом изложенного, **ведущим критерием оценки** представленного на исследование документа является подлежащая выявлению в ходе рецензирования совокупность специальных научно-методических, лингвистических, лингвоэкспертных признаков его соответствия либо несоответствия описанным требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов, в части использования экспертами специальных познаний в области лингвистики, теории и практики судебной лингвистической экспертизы, теории и практики судебно-экспертной деятельности. Как в любом виде деятельности, в судебной экспертизе бывают ошибки – их выявлению, классификации и профилактике посвящено много специальных работ (см., например, «Судебная экспертиза: типовые ошибки», издание подготовлено в основном коллективом ИСЭ МГЮА им. О.Е. Кутафина под редакцией его директора профессора Е.Р. Россинской; «Экспертизы — нерешенный вопрос российского правосудия: пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников» – М., 2013).

2. Анализ вводной части спорного заключения

2.1. Согласно постановлению следователя следственной группы Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации капитана юстиции А.С. Скворцова о назначении судебной лингвистической экспертизы, вынесенному 10 сентября 2020 года, экспертом А.И. Шмелевой было составлено заключение эксперта №СЭЦ-113/6-15л/20 от 17 ноября 2020 года, являющееся спорным. На экспертизу были представлены текстовые фрагменты разновременных и разножанровых выступлений Н.Н. Платошкина, представляющих собой устную разновидность речи (50 контекстов). Рецензируемое заключение содержит (с. 3–4) сведения о том, что материалы были предоставлены эксперту на жестком диске SEAGATE, не имеющем повреждений, запечатанном в бумажный конверт бежевого цвета.

Эксперт А.И. Шмелева не излагает в тексте заключения обстоятельства уголовного дела, ограничиваясь указаниями на то, что они «известны эксперту в объеме, изложенном в постановлении о назначении экспертизы» (с.1), а предоставленные в распоряжение эксперта материалы «пригодны для лингвистического исследования» (с.14).

Таким образом, **общая экспертная задача**, поставленная перед экспертом А.И. Шмелевой и вытекающая из природы судебно-экспертной деятельности, состояла в содействии правоприменителю с использованием специальных лингвистических знаний в установлении обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела, в рамках которого Н.Н. Платошкину было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч.1.1 ст.212 и ст.207¹ УК РФ, а следовательно, в установлении в действиях Н.Н. Платошкина (главным образом речевых) специальных лингвистических признаков склонения, вербовки или иного вовлечения лиц в организацию, подготовку и (или) осуществление массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителям власти, и публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

Частные экспертные задачи, вытекающие из содержания постановления следователя А.С. Скворцова о назначении судебной лингвистической экспертизы, состояли, в соответствии с поставленными перед экспертом вопросами, в **установлении посредством полного исследования представленных на экспертизу материалов дела обстоятельств**, относящихся к специальной компетенции эксперта-лингвиста, **подтверждающих или опровергающих предположения о наличии в устной публичной речи Н.Н. Платошкина:**

- **фактов негативной оценки ситуации, сложившейся в Российской Федерации (политической, экономической и пр.);**

- **негативной оценки тех действий (мер), которые предпринимала и/или предпринимает действующая власть;**
- **фактов, подтверждающих информацию о том, что Н.Н. Платошкин возглавляет общественно-политическое движение «За новый социализм»;**
- **фактов наличия в высказываниях Н.Н. Платошкина побуждения к каким-либо действиям и информации о возможности, желательности, необходимости, допустимости акций протеста с применением силы по отношению к представителям власти или гражданам.**

В целом рецензируемое экспертное заключение выполнено с учетом требований Федерального закона от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности». В композицию заключения входят большинство из необходимых компонентов: дана подпись эксперта, предоставлены сведения об эксперте, указаны время и место производства экспертизы, обстоятельства дела (изложение отсутствует, однако присутствует ссылка на постановление следователя как источник сведений об этих обстоятельствах) и материал для исследования, описана использованная научно-методическая литература.

Решение указанных задач **на этапе осмотра и предварительного исследования** материалов предполагает изучение всех представленных эксперту на экспертизу материалов уголовного дела, в ходе которого могут и должны быть выявлены те документы и иные материалы, которые содержат информацию, потенциально релевантную для решения поставленных задач.

Однако фактически предварительное исследование, описанное в разделах «Описание материалов, поступивших на исследование» и «Установление объектов исследования и их описание» рецензируемого заключения (с. 3-12), сводится к тому, что эксперт А.И. Шмелева лишь перечисляет **объекты исследования, представляющие собой фрагменты высказываний Н. Н. Платошкина**. Иные материалы, важные для квалификации спорных фрагментов, экспертом даже не упоминаются. На с. 12 заключения эксперт прямо указывает: *«На представленном диске имеются иные файлы, не подлежащие исследованию согласно постановлению»* (речь идет, разумеется, не о том,

что постановление следователя содержит запрет на их исследование, а лишь о том, что в отношении иных предоставленных в распоряжение эксперта материалов, в том числе содержащих фиксацию речевой деятельности Н. Н. Платошкина, следствием не были поставлены вопросы).

2.2. Из материалов уголовного дела вытекает, что тексты, подвергнутые лингвистическому анализу, носят разнородный характер, однако в рецензируемом заключении **отсутствует какая-либо характеристика спорных речевых материалов по типу речи и их жанровым особенностям.** В экспертологии хорошо известно, что *«При оценке средств коммуникации для лингвиста очень важно обратить внимание на используемый автором тип речи (дискурс) и выбранный формат (жанровые формы). От них во многом зависит значение языковых единиц, стратегия речевого поведения, степень экспрессивности, допустимость иронии; через жанр регулярно выражаются коммуникативные цели автора. С этой точки зрения очень информативна характеристика самим автором жанра своего текста. Например, использование в заглавии слов воззвание, обращение; см. также фразы типа «В этой критической статье я ...» и пр. Если жанр назван самим автором, то это фиксируется экспертом и затем учитывается при анализе речевой и коммуникативной цели, так же как и соответствие/несоответствие текста заявленному жанру»* (см. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014, с. 44). К сожалению, требования методики Минюста РФ оказались вне сферы внимания эксперта.

Из сказанного выше вытекает закономерный вывод о недопустимости анализа произвольно выбранных фрагментов разнородных текстов. Для изучения подобных текстовых материалов необходимо использовать всю совокупность имеющихся в их составе высказываний по теме, с учётом того, что спорные текстовые материалы содержат фиксацию и монологической, и диалогической речи (жанр интервью), и обращения, и видеоконференции, и материалов встречи с гражданами страны. Таким образом, эксперту следовало сообщить о невозможности исследования произвольно выбранных следствием фрагментов ввиду неполноты фактических текстовых материалов. Указанные замечания

являются *крайне важными* для экспертной оценки спорных речевых и видеоматериалов. Об этом однозначно говорится в пособии Минюста РФ (отсутствующем в списке литературы на с.12–13) за авторством Кукушкиной О.В., Сафоновой Ю.А., Секераж Т.Н. (2011) на с. 36-37: *«К названным выше анализам добавляется анализ коммуникативной ситуации...От коммуникативной ситуации во многом зависит спонтанность текста, эмоциональное состояние автора. В коммуникативной ситуации регулярно эксплицируется цель общения. Если в деле имеются какие-либо факты, позволяющие уточнить коммуникативную ситуацию, то оценка их с точки зрения влияния на текст обязательна и для лингвиста, и для психолога»*. Указанное требование к анализу текста содержится и на с.138 *«...если в тексте имеются такие невербальные фрагменты, которые функционально связаны со спорными высказываниями, их значение должно быть объектом лингвистического анализа»*. К сожалению, эксперт А.И. Шмелева крайне невнимательно отнеслась к положениям, изложенным в основополагающей методической литературе.

Кроме того, речевые и экстралингвистические особенности коммуникативной ситуации *научно* экспертом никак не комментируются:

А) Не учтено, что все спорные речевые материалы относятся к политическому дискурсу, связанному с начальным периодом агитационной работы, с намерением Движения «За новый социализм» участвовать в выборах. Речевые особенности текстов в данной сфере служат объективными индикаторами изменений, происходящих в политической жизни общества, позволяют судить о состоянии политической системы и расстановке сил на политической арене страны. Важное значение для политического дискурса имеет использование адресантом средств речевого воздействия, которые служат для облегчения осознания, ориентировки в ситуации, подсказывая реципиенту основания для определенного выбора. Язык политического дискурса характеризуется свободным употреблением не только общественно-политической терминологии, но значительного количества разговорных языковых средств разных уровней и стилистически маркированной лексики, просторечия, жаргонизмов, арготизмов. Это связано с тем, что при существовании идеологической многополярности возникает борьба за определенные секторы электората, которая сопровождается поиском наиболее эффективных способов

воздействия. Именно поэтому все тексты такого плана обладают повышенной экспрессивностью и оценочностью.

Политический дискурс предполагает наличие разных типов составляющих: фактографические сведения – репрезентативы; качественные характеристики – комиссивы; эмоционально-оценочная информация – экспрессивы. Доминирующее положение прагматического центра принадлежит директиву (призыву сделать конкретный выбор). Тексты слоганов политической рекламы также характеризуются использованием ярких средств речевого воздействия. Все успешные политические лозунги отвечают следующим основным требованиям: а) отражают национальный менталитет, б) отражают актуальные государственные проблемы, в) имеют простую и запоминающуюся форму. Воздействие базируется на свойствах «ритуальной» речи. При частом повторении определенной фразы, лексемы, ее составляющие, десемантизируются и воспринимаются как единый вербальный знак, проникающий в подсознание. Важным параметром становятся частота и количество повторений, поскольку существует определенный предел, превышение которого вызывает обратную реакцию — отторжение данной информации реципиентом. Любое речевое произведение представляет собой неразрывное единство формы и содержания, поэтому изменение языковой структуры вызывает изменение смысловых пластов. Это обстоятельство очень часто используется в ярких предвыборных слоганах, основанных на метафорическом (метонимическом) переносе. Причем, как правило, значение яркой метафоры обычно осложнено добавочными стилистическими и эмоциональными оттенками.

Для создания имплицитной оценки могут использоваться формы степеней сравнения прилагательных, нарочитое нарушение грамматических норм употребления предлогов и союзов, нарушения в образовании отрицательных глагольных форм и др. В современных политических текстах наблюдается активное использование в оценочно-нарицательном смысле преимущественно с пейоративным оттенком определенных имен собственных (*обилие наполеонов далее нетерпимо для дела*).

Политической коммуникации свойственно использование конструкций экспрессивного синтаксиса, распространены разнообразные риторические тропы и фигуры: метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, эвфемизм, каламбур и др. Метафора в языке политической коммуникации становится приемом воздействия на аудиторию.

Через метафору могут передаваться основные оценки, суждения, происходит навязывание трактовок и мнений читателю/слушателю. При метафорическом переносе прецедентных имен собственных устанавливается тип концептуальной связи между двумя концептами, которая отражает не реальное взаимодействие между определенными явлениями, а их общие признаки. Именно это выполняет функцию привлечения внимания, позволяет выносить обвинения и навешивать ярлыки.

Выражению интенции автора в политическом дискурсе способствуют прецедентные тексты, в соответствии с символическим значением которых на общеизвестный текст культуры указывают косвенные отсылки, намеки, аллюзии, что позволяет выразить экспрессивную оценку описываемого события, задать нужную тональность.

Таким образом, в современном политическом дискурсе используются разнообразные средства всех языковых уровней; кроме того, активно используются графические, стилистические, коммуникативные приемы, различные тактики речевого воздействия.

Анализируемые речевые материалы соответствуют названным выше признакам политического дискурса.

Б) Не учтено, что спорные материалы представлены текстами разных речевых жанров:

а) Речевой жанр интервью, к которому относится диалог А. Караулова и Н. Н. Платошкина. Данный жанр представляет собой обмен мнениями, взглядами, сведениями. Особенность жанра интервью в том, что это жанр беседы или ее дословное воспроизведение, рассчитанное на то, чтобы не только донести до читателя (слушателя, зрителя) определенные сведения (цифры, факты и др.), но и в первую очередь сообщить мнения, суждения, оценки конкретного человека.

б) Речевой жанр видеообращения, характеризующийся полярными чертами. С одной стороны, обращению присуща высокая стандартизированность официально-делового дискурса: стереотипные когнитивные структуры, образованные на основе жанровых канонических и устойчивых компонентов официально-деловой коммуникации, репрезентирующие устойчивые представления субъектов о характере речевого поведения

в официально-деловой коммуникативной ситуации. Официально-деловой дискурс относится к институциональным формам общения, считается, что он характеризуется определенными социальными правилами и ритуализированными рамками функционирования.

С другой стороны, жанру публичного обращения свойственно несоответствие реального речевого воплощения требованиям официально-делового дискурса, проявляющееся в отклонениях на тактическом, семантическом, структурном уровнях. Данный жанр активно опирается на экспликацию особенностей языковой личности субъекта речи, отражая его субъективное восприятие мира. Информация характеризуется наличием эмоционально-оценочных элементов, эмоции получают свое воплощение в выборе средств, не типичных для делового жанра. Адресант, описывая предметы и события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к ним, а с другой — на стереотипные представления о них.

в) Речевой жанр видеотчета – это официальное развернутое сообщение о проделанной работе должностному лицу, собранию, организации. Отчёт содержит сведения о результатах деятельности за определенный период времени. Содержательно жанр отчёта основывается на фактах, демонстрирующих ход и результаты выполненной работы. Границы жанра связаны с понятиями *начало–конец* отчётного периода с акцентом на результативность действий.

г) Видеоконференция (диалог двух или нескольких участников) – это интерактивная коммуникативная технология, обеспечивающая платформу для последующих мероприятий, облегчающая обмен опытом и корпоративное взаимодействие в режиме реального времени.

В) В заключении эксперта И.А. Шмелевой не учтено, что спорные материалы – это устная коммуникация, не учтен рисунок речи автора высказываний и т. п. Важнейшей отличительной чертой устной речи является ее неподготовленность: устная речь, как правило, порождается в ходе беседы. Однако степень неподготовленности может быть различной. Это может быть речь на неизвестную заранее тему, осуществляемая как импровизация. С другой стороны, это может быть речь на заранее известную тему, обдуманная в тех или иных частях. Устная речь такого рода характерна для официального публичного общения. **Устная речь характеризуется ориентированностью на слушателя;**

эмоциональностью, непосредственностью; использованием невербальных средств общения (то есть не словесных: мимики, жестов, интонации). Неподготовленный характер устной речи порождает целый ряд ее специфических особенностей:

- обилие незаконченных синтаксических построений;
- самоперебивы (*В России еще много людей, которые хотят..., которые пишут ручкой, а не на компьютере*);
- повторы (*Я бы... я бы... хотел сказать больше*);
- конструкции с именительным темой (*Этот мальчишка / он меня каждое утро будит*);
- подхваты (*А - Мы тебя приглашаем... Б - завтра в театр*).

В речи, рассчитанной на слушателя, часто меняется структурно-логический рисунок фразы, весьма уместными оказываются неполные предложения (экономящие силы и время говорящего и слушающего), допускаются попутные добавочные мысли, оценочные фразы (обогащающие текст и хорошо отделяемые от основного текста).

Таким образом, полное отсутствие типологической характеристики спорного речевого материала в рецензируемом заключении эксперта закономерно корреспондирует полному отсутствию его дискурсивной характеристики в исследовательской части, что негативно отразилось на качестве анализа этих текстов.

2.3. В заключении эксперта А. И. Шмелевой обращает на себя внимание отсутствие *«развернутой характеристики методов исследования»*, являющихся важнейшим аргументационным фактором судебного заключения (см. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические материалы по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. – М., 2010, с.34). Экспертом дается лишь ссылка на Методику ЭКЦ МВД 2008 года. Без внимания А. И. Шмелевой остались современные методики, широко используемые в экспертном сообществе, такие как: Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. «Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму». – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014; «Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические

основания и методическое руководство» / Кузнецов С.А., Оленников С.М. – М., 2014; Типовая межведомственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, ФГКУ ЭКЦ МВД России, Главное управление криминалистики СК РФ. – 2019; Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. «Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении» // Теория и практика судебной экспертизы. №1(41), 2016; И.А.Стернин, Л.Г.Антонова, Д.Л.Карпов, М.В.Шаманова. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. – Ярославль, 2013; Галяшина Е.И. Феномен «неуважение к власти» в аспекте судебной лингвистической экспертизы по делам об информационных правонарушениях // Вестник университета им О.Е.Кутафина (МГЮА), №5, 2019 и другие.

Правоприменитель, оценивая доказательную базу, обязан проверить соответствие квалификации и опытности эксперта предмету экспертизы, убедиться в полноте заключения, в том числе и в исследовательской его части, предшествующей выводам исследования; оценить научную обоснованность заключения. Любое экспертное исследование – это глубокий анализ материалов, в котором отражены и теоретические, и практические компоненты специальных знаний (в данном случае лингвистических) эксперта. Экспертное исследование не является научным изысканием, но обязано быть исследованием, опирающимся на данные науки, использующим научные методы познания. Из этого следует, что эксперт не может не употреблять в описании своих действий примененных методов и средств научного языка. И основное поле его применения — это исследовательская часть заключения. Судебная экспертиза не может существовать без теории. Любой опытный эксперт не представляет себе своей работы без использования новейших достижений в его базовой специальности (см. об этом: Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории М.: Юридическое издательство Норма, 2009, сс.110, 123).

Следует обратить внимание и на то, что в известнейших пособиях Министерства юстиции указано, что «данный вид исследований относится к семантическим исследованиям», «Лингвистический анализ этих средств позволяет установить, что именно сказано в тексте (о предмете речи, об отношении к нему, о *целях сообщения*

адресату информации). По объекту и по цели этот анализ является **семантическим**. Лингвистический **семантический** анализ опирается прежде всего на знания о значениях языковых единиц и о способах их использования, в той или иной мере отражаемые в словарях и лингвистических описаниях (прежде всего в грамматиках)» (см. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму», М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, с.21, с.33 и др.; Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014, с.15) [выделено нами – комиссия специалистов].

Семантический метод в качестве важнейшего в экспертной лингвистической деятельности указан и в пособии «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе» / под ред. директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России С. А. Смирновой. – М., ФБУ РФЦСЭ, 2018, а также в Типовой межведомственной методике лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, ФГКУ ЭКЦ МВД России, Главное управление криминалистики СК РФ. – 2019.

В рецензируемой работе не заявлены и не использованы ни словарный, ни лексико-стилистический, ни семантический метод, ни важнейший для семантического исследования *метод синонимических преобразований*, ни его типичное использование — *референцирование*, которое «*позволяет сделать явными те или иные части содержания текста ...и показывает, как эксперт пришёл к соответствующим выводам*» (см. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина). – Вестник ВолГУ, серия 2. Языкознание, 2017, т.16, №2, с.23).

Важнейшим аргументационным фактором является и словарный анализ, так как «словарный анализ доступен и легко проверяем» (см. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина). – Вестник ВолГУ, серия 2. Языкознание, 2017, т.16, №2, с.23). Не упоминается в исследовании А.И.Шмелевой также теория

речевых актов, которая широко используется при выявлении коммуникативной направленности.

Важно также отметить, что в работе отсутствует описание методики, с помощью которой устанавливалось *«дословное содержание ...фрагментов видеозаписи»* (см. с.13). Известно, что в экспертологии существует фоноскопическая экспертиза, которая обладает своими методами криминалистической экспертизы фонограмм и специальным инструментарием. Актуален также вопрос правомочности проведения фоноскопической экспертизы специалистом по *«исследованию устных и письменных текстов»*. *«Установление дословного содержания разговора, звучащей речи (если экспертно установленного дословного содержания не представлено, не имеется в материалах дела) производится экспертом по исследованию видео- и звукозаписи. Такое исследование может быть оформлено отдельным заключением эксперта либо представлено в виде экспертоучастия. Дословное содержание может быть установлено экспертом-лингвистом самостоятельно, если он аттестован по специальности 7.1 «Исследование голоса и звучащей речи»* (см. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014, с.38).

В связи с этим следует отметить, что *«Заключение эксперта должно быть обоснованным и допустимым. Заключениеоценивается как научно обоснованное, если оно в должном объеме содержит полное описание всех методов анализа текста и их обоснованности, полученные количественные и качественные результаты, пояснения умозаключений, суждений и логических выводов, которые были сделаны...Допустимость ...состоит также в том, что методы и средства, используемые экспертом, должны быть надлежаще апробированы, а научные данные, положенные в основу его выводов должны быть достоверно установлены...»* (см. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. – М., 2006,с.72). Об этом говорится, в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 "О судебной экспертизе по уголовным делам", где в п.1. сказано: *«Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений НАУКИ и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств,*

подлежащих доказыванию», а в п.15: «Необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены необходимые МЕТОДЫ и МЕТОДИКИ экспертного исследования» (см. Бюллетень Верховного суда РФ, 2011, №2).

2.4. Крайне неполной следует признать использованную экспертом библиографию: отсутствуют работы, связанные с выявлением негативной информации и определением референтов выявленной информации (вопрос 1); с особенностями взаимоотношения субъекта и объекта речи (вопрос 2); отсутствуют работы, посвящённые публицистическому стилю русского языка и особенностям разговорной речи. Удивительным выглядит анализ речевых средств, построенный на данных устаревших словарей, к категории которых относится, скажем, словарь Д.Н. Ушакова, изданный в 1935—1940 годах и эксплицирующий устаревшие значения (следует заметить, что 2008 год в выходных данных — это лишь год переиздания раритетного словаря). То же следует сказать и о Малом Академическом словаре, изданном, как указывается на с. 13 Заключения, в 1957-1984 годах. Неверный подбор словарной литературы обусловил в заключении эксперта И.А. Шмелевой значительное количество неверных и (или) неточных толкований. Так, например, на с. 20 эксперт определяет значение слова «война» в словосочетании *«нефтяная война»* как *«борьба, враждебные отношения с кем-чем-л.»*, хотя Толковый словарь русского языка начала XXI века репрезентует для подобных словосочетаний существенно более точное значение: *«Конфликтные отношения между государствами, при которых обе стороны используют средства экономического и идеологического воздействия»* (см. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика./ Под ред. Г.Н.Скляревской. – М., 2007, с.219). То же замечание можно сделать относительно устаревших толкований существительного «беспорядки» на с.21, существительного «революция» на с.22, 61 и др.

2.5. В тексте рецензируемого экспертного заключения отсутствует раздел «Определение основных понятий», который должен содержать дефиниции важнейших терминов, используемых экспертом.

В рецензируемой работе следствием на разрешение эксперта И.А. Шмелевой поставлены вопросы, требующие выявления лингвистических признаков *негативной*

оценки (вопрос 1), информации планирующего типа (вопрос 2), побуждения (призыва) (вопрос 3), модальности и информации о насильственных действиях (вопрос 4), однако дефиниции терминов, с помощью которых выявляются лингвистические признаки оценки, планирования, побуждения, насильственных действий в заключении эксперта не сформулированы, что затрудняет верификацию проведенного исследования.

2.6. Анализируемые речевые материалы **конфликтогенны**, причем конфликт носит общественный (общественно-политический) характер, а в экспертной литературе указано, что *«Текст есть продукт психической деятельности ... Поэтому наиболее целесообразным является назначение по рассматриваемой категории дел психолого-лингвистической экспертизы <...> Основная задача экспертизы данного вида заключается в установлении на основе применения специальных знаний в области лингвистики и психологии наличия/отсутствия в тексте лингвистических и психологических признаков выражения определенного типа значения <...>*

Тип конфликта..., позиция автора..., психологические феномены вражды... – все эти составляющие смысла текста требуют применения знаний в области социальной психологии...» (см. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. 2011, с.18,с.22,с.24). Следовательно, для более объективного исследования к работе должен был привлечён эксперт-психолог, в компетенцию которого входит выявление целевой установки спорных высказываний (текстов).

Более того, спорные тексты Н.Н. Платошкина зафиксированы на видеоносителях, то есть представляют собой устную речь. Как справедливо указывает ряд экспертов (см. например. Галяшина Е.И., 2013; Матвеева Т.В. Непринужденный диалог как текст//Человек – Текст – Культура: Коллект. Монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой, – Екатеринбург, 1994. с. 125-140), для адекватного понимания звучащей речи наряду с лингвистической информацией необходим учет и невербальных, экстралингвистических факторов, привлечение фоновых знаний и широкого социокультурного контекста. По мнению многих психологов и социологов (см., например, Конечкая В.П. Социология коммуникаций. Учебник. – М.: Международный университет

бизнеса и управления, 1997), в целом ряде случаев, значение невербальных, экстралингвистических факторов в плане понимания смысла речевого высказывания оказывается не менее важным, нежели лингвистических. Получение достоверных результатов при анализе речевых высказываний, записанных на аудио- и видеоносителях информации, требует повышенного внимания к психологической стороне речи, феномену непрозрачности смысла высказывания и делает необходимым изучение экстралингвистических, паралингвистических, просодических компонентов речи (прежде всего, таких характеристик, как громкость и темп речи говорящего, наличие пауз, фразовых ударений, интонаций и пр.). По мнению Галяшиной Е.И. (2013), «объем информационных потерь (при переводе устной формы речи в письменную) весьма значителен, в первую очередь это относится к тональности. Среди средств выражения тональности выделяются супрасегментные и невербальные, которые могут существенно дополнять или видоизменять информацию, которую несет словесная составляющая».

Таким образом, эмоциональное состояние, психологическая установка и намерение говорящего могут быть выражены как эксплицитно, то есть явно, непосредственно при помощи вербальных средств, так и имплицитно — неявно, намеком при помощи невербальных, в том числе экстралингвистических и интонационных средств. Так, существуют специальные интонационные средства для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому событию. Другие просодические средства (такие как громкость, паузы и др.) также используются для выражения многих оттенков значений. Поэтому для профессионального психолингвистического анализа звучащей речи недостаточно исследовать лишь ее вербальный компонент, а необходим комплексный вербальный и невербальный анализ речевого потока. Современные наработки социальной психологии позволяют проводить такого рода анализ.

2.7. Вопросы, поставленные следствием перед экспертом Шмелевой А.И., противоречат диспозиции предъявленных статей, так как не имеют доказательственного значения.

Как следует из запроса председателя президиума коллегии адвокатов «Союз московских адвокатов» А.А. Обозова от 02.12.2020, Н.Н. Платошкину предъявлены обвинения по двум статьям УК РФ: ст. 207¹ *«Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан»* (введена ФЗ 01.04.2020 N 100-ФЗ) и ч.1.1 ст. 212 *«Массовые беспорядки. ... Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти...»*.

Диспозиция статьи 207¹ УК РФ предполагает необходимость установления:

- 1) факта/фактов ложности информации;
- 2) факта *заведомости ложной информации* (лицо, распространившее информацию, сознавало в момент ее распространения ее недостоверность);
- 3) факта распространения информации *в средствах массовой информации или в информационно-телекоммуникационных сетях*;
- 4) того факта, что распространенная информация *создала угрозу жизни и безопасности граждан*.

В примечаниях в составе статьи 207¹ УК РФ указано: *«Обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, в настоящей статье признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения»*.

Таким образом, данное примечание обуславливает следующие задачи эксперта:

- 1) выявление информации о чрезвычайных ситуациях природного характера;
- 2) выявление информации о чрезвычайных ситуациях техногенного характера;

3) выявление информации о чрезвычайных ситуациях экологического характера, в том числе: а) эпидемии, б) эпизоотии;

4) выявление информации об обстоятельствах, возникших в результате: а) аварий, б) опасных природных явлений, в) катастроф, г) стихийных бедствий, д) иных бедствий;

5) выявление информации о бедствиях, которые повлекли или могут повлечь: а) человеческие жертвы, б) нанесение ущерба здоровью людей; в) нанесение ущерба окружающей природной среде, г) значительные материальные потери, д) нарушение условий жизнедеятельности населения.

Следует отметить, что часть диспозитивной информации не входит в компетенцию лингвиста-эксперта. Так, квалификация информации как *представляющей угрозу*, частично относится к компетенции специалиста-психолога. Существенное значение для выявления *речевой цели* адресанта также предполагает наличие компетенции специалистов не только в области лингвистики, но и в области социальной психологии. Диспозиция ст.207¹ УК РФ предполагает наличие конфликтогенных речевых материалов, причем конфликт, о котором идет речь, носит общественный (общественно-политический) характер, а в экспертной литературе прямо указано, что *«Тип конфликта..., позиция автора..., психологические феномены вражды... – все эти составляющие смысла текста требуют применения знаний в области социальной психологии...»* (см. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму, 2011, с.18, с.22, с.24).

Оценка *истинности/ложности* той или иной информации в общем случае (за исключением ситуаций, когда распространенная информация носит специальный лингвистический и (или) психологический характер) также выходит за пределы исключительной компетенции лингвистов. *«Устанавливать, было ли автору текста известно о ложности распространяемых им сведений, лингвистическая экспертиза также не может и не должна: ответ на этот вопрос фактически означает решение вопроса о наличии умысла на совершение преступления, а подобные вопросы относятся к компетенции следствия и суда»* (Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул: АлтГПА, 2009; Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика / под ред. Е.Р. Россинской. – М.:

Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011; Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. – М.: Норма, 2009).

В случаях, когда информация выражается устными или письменными продуктами речевой деятельности, возможность оценки выраженных языковыми средствами сведений, признанных ложными, по параметру их именно *заведомой ложности* является функцией от лингвистических и коммуникативных свойств содержащих эту информацию высказываний и текстов; также может иметь существенное значение точное смысловое содержание этих продуктов речевой деятельности, что предполагает наличие компетенции специалистов в областях и лингвистики, и психологии.

Установление *фактов создания в результате распространения информации угроз определенного содержания* выходит за пределы компетенции лингвистов, однако психологические знания могут использоваться для установления направленности тех или иных сообщений на создание подобных угроз.

Диспозиция статьи 212 (ч.1.1.) УК РФ предполагает необходимость установления:

1) фактов: а) склонения, б) вербовки, в) иного вовлечения лица в совершение массовых беспорядков. Все три действия связаны с речевым актом убеждения;

2) фактов планирования каких-либо действий, сопровождавшихся (сопровождающихся) а) насилием, б) погромами, в) поджогами, г) уничтожением имущества, д) применением оружия, е) применением взрывных устройств, ж) применением взрывчатых веществ, з) применением отравляющих веществ, и) применением иных веществ, представляющих опасность для окружающих, к) применением предметов, представляющих опасность для окружающих, л) оказанием вооруженного сопротивления представителю власти.

Таким образом, выявление информации о каких-либо фактах требует от эксперта-лингвиста анализа формы высказывания (утверждение, мнение, мнение-оценка, мнение-вывод, побуждение), то есть иллокутивной цели высказывания. А определять речевую цель высказывания должен эксперт-психолог. К сожалению, в рецензируемом заключении А. И. Шмелевой указанные положения экспертологии не были учтены.

Таким образом, вопросы, поставленные следствием перед экспертом, в ничтожно малой степени соотносятся с диспозицией статей УК РФ, предъявленных Н. Н. Платошкину. Вопросы носят нефактологический характер. Так, вопрос №1 (см. с. 2–3) требует от эксперта выявления негативно-оценочных высказываний без соотнесения с формой выражения негативной информации (утверждение, мнение и др.). Однако в соответствии с положениями теории и практики лингвистической экспертизы, а также в соответствии с нормативно-правовыми актами, определяющими производство экспертных заключений, лингвисты не вправе верифицировать информацию, представленную в спорных высказываниях, т.е. квалифицировать ее на предмет соответствия или несоответствия действительности (определяя достоверность или недостоверность информации). Это может решать только суд. Но лингвист может выявить негативную информацию, подлежащую верификации, то есть выраженную в форме утверждения о фактах.

Вопрос №2 выводит эксперта-лингвиста в сферу идеологии, квалифицируя высказывания Н.Н. Платошкина как *«политическую борьбу»* (см. с.3).

Следует также заметить, что множество частных экспертных задач, вытекающих из содержания вопросов № 1 и № 2, не имеет пересечения с описанным выше множеством задач, вытекающих из диспозиции статьи 207¹ УК РФ и ч. 1.1 ст. 212 УК РФ. Следовательно, можно констатировать, что ни поставленные следователем вопросы 1 и 2 как таковые, ни выполненные экспертом А. И. Шмелевой исследования, направленные на разрешение этих вопросов, не направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела данной категории, и не имеют значения для его разрешения. Сказанное позволяет констатировать, что рецензируемое заключение в части описания хода и результатов исследования по вопросам №1 и №2 не отвечает общей задаче судебно-экспертной деятельности.

Подчеркнем, что источником такого несоответствия представляются в данном случае главным образом не действия эксперта А.И. Шмелевой, а действия следователя, поставившего перед экспертом вопросы, не связанные с установлением тех обстоятельств, которые являются релевантными для уголовных дел данной категории, что, по мнению комиссии специалистов, может рассматриваться как специальный экспертологический признак злоупотребления со стороны следователя процессуальным правом на назначение

экспертизы, приведшего к использованию такого инструмента, как судебная экспертиза, не по назначению.

Вопрос №3 имеет неконкретный (нефактический) характер, так как в задачу эксперта входит выявление побуждения «к каким-либо действиям» (см. с. 3). Заметим, что современное значение неопределенного местоимения «какой-либо» – *безразлично какой по своим свойствам, характеристикам* (см. Объяснительный словарь русского языка под ред. В.В. Морковкина. — М., 2002, с.165).

Вопрос №4 сформулирован правоприменителем в модальности возможного, то есть эксперт должен выявить высказывания Н.Н. Платошкина о возможных (предположение) акциях с применением силы. Имя существительное «возможность», то есть «*вероятность*», и краткое прилагательное «возможен», то есть «*вероятен*», переводят и вопрос следствия, и последующий вывод эксперта в разряд предположения, что недопустимо в экспертном заключении. Выводы должны основываться на результатах проведенного анализа и формулируются в форме, не допускающей их неоднозначного понимания (см. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. – М., 2012, с.99; Бельчиков Ю.А, Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические материалы по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. – М., 2010, с.73, 136; Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011, с.242 и др.). Это же положение находим в работе «Настольная книга судьи: судебная экспертиза» Е.Р. Россинской и Е.И. Галяшиной: «... вывод – это краткий, точно сформулированный, не допускающий неоднозначного толкования ответ эксперта на поставленный вопрос». С гносеологической точки зрения и вопросы следствия, и выводы эксперта должны удовлетворять принципам квалифицированности и определённости, однако в рецензируемом заключении, в части исследования по вопросу №4, это требование не соблюдается.

3. Анализ исследовательской части спорного заключения

3.1. Поставленный перед экспертом **вопрос № 1** предполагал необходимость решения вполне определенной **частной экспертной задачи** – выявления в

предоставленных материалах высказываний, содержащих **негативные оценки ситуации**, сложившейся в Российской Федерации (политической, экономической и пр.), **а также высказываний, содержащих негативную оценку действий (мер), которые предпринимала и/или предпринимает действующая власть.** Следовательно, при ответе на этот вопрос необходимо рассматривать ключевое понятие «негативная оценка», которое в рецензируемом экспертном исследовании не определено, хотя в лингвистической экспертологии хорошо разработано: «*Оценочное суждение – это суждение, содержащее субъективное мнение в определенной форме. Выражение оценки распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, например эмоционально-экспрессивных оборотов речи, в значении которых можно выделить элементы «хороший / плохой» или их конкретные разновидности («добрый», «злой» и т.д.) <...> Оценочное суждение не может быть проверено на соответствие действительности (в отличие от сведений, содержащих утверждения о фактах)*» (см. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – С. 131; Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В., с.142). Речевые акты негативно-оценочной квалификации с точки зрения их словесного наполнения обычно выражаются с помощью негативной оценочной лексики, в т. ч. сильной экспрессивности и даже грубости. Более того, оценка может выражаться имплицитно, через описание самих действий, поступков, через выбор средства их номинации (см. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011, с. 50). К сожалению, ни описания и анализа маркеров негативной оценочности, ни алгоритма её выявления в рецензируемом заключении не содержится. Эксперт А.И. Шмелева в основном ограничивается лишь подчеркиванием слов и словосочетаний, которые по какой-то причине привлекли её внимание. Неточный анализ спорных контекстов, безусловно, связан и с недостаточностью материала, предоставленного для исследования. Например, на с. 18 эксперт сообщает: *«имеется высказывание, что группа лиц «они» осуществила некие [выделено нами – комиссия специалистов] **действия**, значимые для Российской Федерации»,* – или: *«им приписываются действия»* [какие именно действия? – комиссия специалистов]. Зачастую эксперт принимает за лексику с

негативным значением или негативными коннотациями абсолютно нейтральные лексемы: *президент, правительство, торговать, выручка* (с. 20), *мировой, вкладчик, рынок* (с. 25), *подойти, фон* (с. 26), *работа, масштаб* (с. 27), *заседание, заявка* (с. 31), *вопрос* (с. 34) и др. Способствует неточности анализа и опора на устаревшие словарные материалы (анализ лексемы «*революция*» на с.61 осуществляется с опорой на словарь Д.Н. Ушакова, изданный в 1935—1940гг., а на с. 22 – с опорой на словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой 1997 года издания. В лингвистической экспертологии известно, что «...словари неизбежно отстают от узуса, поэтому эксперт не может ограничиваться словарным толкованием. Он обязательно должен учитывать и проверять современное употребление исследуемой единицы. Например, слово **революция** до недавнего времени воспринималось как обозначение вооруженных, насильственных действий. Однако состоявшиеся за последние десятилетия мирные революции (бархатная, цветная, оранжевая, революция роз и пр.) сделали возможным нейтральное, немаркированное с точки зрения насильственности употребление слова революция. На подобное узусальное изменение значения этого слова теперь реагируют и словари, фиксируя их в особых словарных зонах. Так, в «Толковом словаре...» в словарной статье революция во фразеологической зоне приведены обороты: *бархатная революция – радикальное изменение в жизни общества, осуществляемое без насилия, кровопролития; оранжевая революция – коренной и бескровный переход власти к оппозиции* [Толковый словарь 2007:823]» (см. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011, с. 114).

Аналогичные недочеты можно выявить и в анализе иных лексем. Например, в качестве значения прилагательного «дурацкий» в словосочетании «*дурацкая ситуация*» (применительно к экономической ситуации в РФ) А.И. Шмелева дает следующую дефиницию: «*То же, что глупый, а также вызывающий отрицательную оценку и смешной*» (с. 22), – совершенно не учитывая контекста и данных более современного словаря Т.Ф. Ефремовой, имеющегося, кстати, в рецензируемом заключении списке литературы на с. 13 под № 9: «*Дурацкий: разг. Лишенный здравого смысла; глупый, нелепый. перен. разг. Плохой, скверный*».

Часть ошибок в этой части экспертного заключения связана с некорректным выделением А.И. Шмелевой переносных значений. Так, на с. 48, анализируя СТ-42 «...отправим...разрушителей нашей страны в полный нокаут», эксперт дает следующее толкование лексемы «нокаут»: «положение в боксе, когда боксер сбит на пол, в течение десяти секунд не может встать для продолжения боя и считается побежденным», хотя в контексте явно реализуется переносное значение – «Сильное неожиданное потрясение; большая неприятность» (см. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. – СПб., 2003, с. 417).

Наблюдаются ошибки эксперта, связанные с неумением лингвиста анализировать так называемые «связанные словосочетания». На с. 22, во фразеологизме «довести до цугундера» в контексте «...они страну доведут до цугундера» А.И. Шмелева по какой-то причине анализирует только устаревшее слово «цугундер» – «тюрьма», хотя данный фразеологизм достаточно широко используется в *переносном значении* – «довести до неpotребного состояния», под **цугундером** в данном случае и понимается это состояние. Указанное значение с очевидностью выявляется, например, в высказывании В.В. Путина: «Если уж в этих условиях люди будут **доводить до цугундера** свой регион, свой город и свой посёлок, так лучше сверху освободить, чем ждать, пока снизу на вилы поднимут». (Выступление перед мэрами 11 ноября 2003 года в Колонном зале Дома союзов). То же касается общественно-политического термина «социальный взрыв», в котором А.И. Шмелева выделяет лексему «взрыв» в значении «разрушение чего-либо при помощи взрывчатых веществ, взрывных снарядов» (с. 26).

Вызывает несогласие использование экспертом лексемы «приписываются (действия)» (например, на с. 18 – «им [Президенту РФ и иным представителям власти] приписываются действия «натворили»), одним из значений которой является «добавить к какому-либо официальному документу ложные, не соответствующие действительности сведения с какой-либо своекорыстной целью» (см. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2003, с.616-617). А квалификация соответствия каких-либо актов действительности входит только в компетенцию суда.

3.2. Формулировка вопроса № 2 изначально выводит эксперта за пределы компетенции лингвиста, «заставляя» квалифицировать спорные речевые материалы как «политическую борьбу» (хотя эксперт может эти материалы квалифицировать только как

политический дискурс). Кроме того, исследование по второму вопросу также имеет значительное количество недочетов в части лингвистического толкования лексических средств, которые использовал Н.Н. Платошкин, например, словосочетания «дипломатическая Цусима», в котором метафорическое использование топонима *Цусима* соотносится с проигрышем *в военном*, а не дипломатическом конфликте (с. 27), существительного «инструкция» (с. 28), словосочетания «политическая сила» (с. 30) и др.

3.3. Исследование по вопросу №3 не имеет теоретических оснований. В заключении А.И. Шмелевой не сформулировано определение речевого акта «побуждение», не даны лингвистические маркеры и не проанализированы типы побудительных актов), хотя именно вопрос побудительной составляющей спорного текста является краеугольным для данного исследования.

Важно отметить также, что исследованию подвергнута звучащая речь Н.Н. Платошкина, в которой существенную роль играет императивная/неимперативная интонация. Голос и тон определяют условия и характер протекания коммуникации, успешность в достижении цели, физическое и психическое состояние участников общения и стилистику их поведения в диалоге. Интонация иногда оказывается единственным средством «дешифровки» коммуникативного намерения говорящего, а ведь именно от этого зависит успешность речевого акта (см. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007, с. 438; Сухова Н.В. Интонация в речевом акте // Теория и практика германских и романских языков. Статьи по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск: УГПУ, 2002. – С. 108-110). К сожалению, в рецензируемом заключении этого сделано не было – отсюда ошибки в квалификации высказываний. Так, на с. 37 эксперт квалифицирует одно из высказываний как требование, хотя речевым признакам требования оно не соответствует; на с. 38 к побуждениям безосновательно отнесены высказывания с предикатом в форме будущего времени (*Мы будем делать это, мы призовём*).

Положения методики Минюста рекомендуют следующее: «**психолог, на основе описания сказанного (показанного), верифицированного лингвистом, устанавливает направленность материала с точки зрения формируемых у адресата социальных установок**» (см. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с

противодействием экстремизму и терроризму //М.: РФЦСЭ. – 2014, с.17). Следовательно, первоочередной задачей психолога является анализ коммуникативной направленности (речевой цели) высказывания. В психологии «коммуникативное намерение» понимается как цель, ради которой производится речевое высказывание. Если следовать классификации высказываний по их общей цели, каждую из таких целей можно соотнести с обобщенной интенцией: сообщить, осведомиться о чем-либо, или побудить к чему-либо. В любом коммуникативном акте можно выделить комплекс «породивших» его мотивационно-целевых первопричин. При этом, как правило, можно выделить уровень осознаваемых как коммуникатором, так и коммуникантом целей, которые практически несложно сформулировать, и уровень далеко не всегда осознаваемых и потому крайне сложно формулируемых как коммуникантом, так и самим коммуникатором мотивов, связанных с его эмоциями, ассоциациями. Влияние сложного комплекса мотивов и целей на деятельность, общение и особенности взаимодействия людей неоднократно отмечалось самыми разными исследователями. Как указывал А.А. Ухтомский, действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем ее действительную, аффективно-волевою подоплеку. В силу вышесказанного для выявления осознаваемого коммуникативного намерения автора необходимо учитывать весь контекст порождения текста, необходимо выявить мотивы автора, соотнести их с содержанием высказывания и по возможности отсеять лишнюю факультативную информацию.

3.4. Вопрос №4 носит обобщенный (даже провокационный) характер, так как в нём не указаны субъекты действий, о которых идет речь, – *«возможных, желательных, необходимых, допустимых акций протеста с применением силы»*. Эксперт должен был переформулировать вопрос, однако не сделал этого. Именно поэтому ответ эксперта носит надуманный характер, противоречащий промежуточным выводам. Так, например, вывод по СТ-9 на с. 62–63 нарушает логику всего исследования, в том числе и исследования по вопросу №4. Так, на с. 58 эксперт А.И. Шмелева делает промежуточные выводы о том, что *«данные акции протеста не предполагают применение силы по отношению к кому-либо»*, и далее: *«говорящий обращается с побуждением не осуществлять агрессивных действий»*, а также: *«выражает свое негативное отношение к применению силы по*

отношению к кому-либо» и «Также говорящий сообщает, что развитие событий при котором (так!) акции протеста перерастут в действия с применением насилия ...крайне нежелательны и подобных рисков следует не допускать». Подобные выводы эксплицированы А. И. Шмелевой и на с. 59-61 при анализе контекстов СТ-7, СТ-16, СТ-21, СТ-23 и др.

Однако на с. 62 при анализе СТ-9 А.И. Шмелева делает вывод о возможности действий «с применением силы», о преобразовании акций протеста в действия с применением физической силы», основываясь на лексико-синтаксической конструкции «народ сам выйдет» и перефразированной цитате мексиканского политического деятеля Мариано Асуэла «Революцию делают не голодные люди, а сытые, которых три дня не кормили», выражающей не информацию о фактах, а концептуальную, теоретико-аналитическую информацию о социальных закономерностях. Следует отметить, что в СТ-9 не выявлено ни одной лексемы, выражающей семантику насилия.

Абсолютно аналогичный вывод эксперт А.И. Шмелева делает и на основе цитаты В.И. Ленина «Степень насилия в социалистической революции определяется только одним – сопротивлением тех, кто уходит» (СТ-23), а не на основе утверждений Н.Н. Платошкина. При этом, аналогично предыдущему рассмотренному примеру, в цитируемом высказывании Ленина выражается не информация о фактах, а концептуальная, теоретико-аналитическая информация о социальных закономерностях; лексика со значением «насильственные действия» в контексте отсутствует. В СТ-31 речь идет о «степени мирности» передачи власти в одном конкретном случае – в случае, если выборы пройдут нормально и оппозиция одержит на них победу; в СТ-31 так же, как в СТ-9 и СТ-23, отсутствует лексика, которая позволила бы эксперту сделать вывод о каком-либо силовом воздействии на кого-либо.

Таким образом, анализируя контексты СТ-9, СТ-23, СТ-29, СТ-31, СТ-33, эксперт делает выводы, не основываясь на конкретных языковых фактах. Об ошибках такого рода в судебных экспертизах писала Е.И.Галяшина: «...эксперты стали интерпретировать языковые факты ..., анализировать «мысли автора текста», «вычитывать» из произнесённых слов коммуникантов скрытые или неявные смыслы, додумывать и домысливать за говорящими то, что не было сказано, но «имелось в виду» (см. Галяшина Е.И. Ошибки судебной лингвистической экспертизы / Экспертизы – нерешенный вопрос

российского правосудия: пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников». – М., 2013, с. 33). Аналогичное мнение находим на с. 21 пособия Кукушкиной О.В. Сафоновой Ю.А., Секераж Т.Н. «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму»: *«Недопустимо приписывать автору то или иное значение, если не найдены средства его выражения»* [выделено нами – комиссия специалистов].

Исследуя материалы по вопросу №4, эксперт А.И. Шмелева не дала точного ответа на поставленный следствием вопрос, сформулированный с использованием однородных членов предложения – *«возможность, желательность, необходимость, допустимость акций протеста с применением силы»*. Следуя этой формулировке, в задачу эксперта определенно входило рассмотрение всех модальных рамок высказываний Н.Н. Платошкина:

А) в высказываниях Н.Н. Платошкина отмечена *возможность* использования силы в протестных акциях, субъектом которых является народ в обобщенном значении (*«... я не исключаю беспорядков на этой почве...»* СТ-29, с. 21 *«у нас будет народное восстание ...если и им не окажут денежную помощь, конечно»*, СТ-33, с. 23. Субъектом этих действий не могут быть, в соответствии с утверждениями Н.Н. Платошкина, ни Движение, ни сам Н.Н. Платошкин.

Б) в спорных речевых материалах однозначно утверждается, что все акции с применением силы *нежелательны* (*«мы этого взрыва (социального) тоже не хотим»* – СТ-16, с. 19; *«ситуация в стране может выйти из-под контроля...это не мое желание, я не хочу этого»* – СТ-37, с. 24 *«Если в стране начнутся, чего мы не хотим, беспорядки...»* – СТ-35, с. 29).

В) в высказываниях Н.Н. Платошкина утверждается, что все акции с применением силы *не могут быть использованы* Движением и Н.Н. Платошкиным (*«...мы не требуем там кого-то расстрелять или повесить, мы требуем досрочных выборов»* – СТ-1, с. 30; *«я борюсь за смену власти законным путем»* – СТ-6, с. 32; *«будем участвовать активно в выборах осенью...»* – СТ-30, с. 33; *«Э-э не грабить магазины, не устраивать...не бить витрины... нам разрушать это ни в коем случае нельзя...»* – СТ-35, с. 45).

Г) в спорных речевых материалах однозначно утверждается, что все акции с применением силы недопустимы («главное их в этом году мирно законно убрать» – СТ-13, с. 18; «все выходим на массовый законный митинг...» – СТ-15, с. 28; «мы к этим митингам готовимся...естественно мы подадим уведомление заранее, как это положено» – СТ-5, с. 29, «наше движение призывает народ на массовые законные митинги» – СТ-7, с. 29, «А задача...смена власти законным путем, демократизация выборов» – СТ-10, с. 29; «надо выходить на массовые законные митинги...» – СТ-14, с. 29; «мы пришли сменить власть законным мирным путем» – СТ-17, с. 32).

В исследовании по вопросу №4 эксперт полностью игнорирует, что в исследуемых ею фрагментах речевого содержания видеофонограмм, включая СТ-23 и СТ-31, в которых экспертом обнаружена «информация о возможности и допустимости акций протеста с применением силы по отношению к представителям власти» (с. 63), Н.Н. Платошкин обозначает в качестве обязательного условия, делающего гипотетическое будущее насилие возможным и создающего эту «возможность и допустимость», отсутствие «нормальных» (контекстуально — «проводимых в соответствии с нормами действующего законодательства») выборов («Не будет никакого сопротивления мирному, э-э, мирной передаче власти путем выборов» – СТ-23; «Если все будет нормально, если нормальные выборы, никто никого не-, не собирается расстреливать, ни мучить, ни убивать, ни в коем случае» – СТ-31).

Таким образом, выводы эксперта А.И. Шмелевой по поставленному перед ней вопросу 4 не имеют надлежащего обоснования и являются существенно неполными, причем неполнота формулировки вывода эксперта приводит к его недостоверности: формулируя положительный вывод по вопросу №4 о наличии в речи Н.Н. Платошкина «информации о возможности и допустимости акций протеста с применением силы по отношению к представителям власти», эксперт умалчивает о том, что в качестве обязательного условия, делающего насилие гипотетически возможным в будущем, Н.Н. Платошкин называет отсутствие «нормальных» выборов – нарушение со стороны власти действующего законодательства, исключающее возможность мирного перехода власти в руки оппозиции в результате применения легального механизма такого перехода.

ИТОГОВЫЕ ВЫВОДЫ

1. В целом рецензируемое экспертное заключение А.И. Шмелевой № СЭЦ-113/6-15л/20 от 17 ноября 2020 года, составленное по результатам экспертизы, проведенной на основании постановления следователя следственной группы Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации капитана юстиции А.С. Скворцова о назначении судебной лингвистической экспертизы, вынесенного 10 сентября 2020 года, **выполнено с учетом требований Федерального закона от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности»**. В композицию заключения входит большинство из необходимых компонентов: дана подписка эксперта, предоставлены сведения об эксперте, указаны время и место производства экспертизы, обстоятельства дела и материал для исследования, а также представлена использованная научно-методическая литература.

2. Следует признать, что **верификация заключения эксперта А.И. Шмелевой затруднена** в связи с рядом обстоятельств: **неполнотой научно-методической литературы, использованием устаревших словарей, отсутствием развернутой характеристики применяемых методов и методик, отсутствием описания понятийного аппарата, использованного в экспертном исследовании**.

3. Несмотря на выявленную неполноту и неточность анализа спорных речевых материалов, выводы эксперта по вопросам №№1–3 следует признать доказанными.

Впрочем, рецензируемое заключение **в части описания хода и результатов исследования по вопросам №1 и №2 не отвечает общей задаче судебно-экспертной деятельности**, состоящей в содействии правоприменителю с использованием специальных знаний в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение для разрешения дела: **ни поставленные следователем вопросы №1 и №2 как таковые, ни, соответственно, выполненные экспертом А.И. Шмелевой исследования, направленные на разрешение этих вопросов, не направлены на**

установление обстоятельств подобного рода. Подчеркнем, что источником такого несоответствия представляются в данном случае **главным образом не действия эксперта А.И. Шмелевой, а действия следователя,** поставившего перед экспертом вопросы, не связанные с установлением тех обстоятельств, которые являются релевантными для уголовных дел данной категории, что, по мнению комиссии специалистов, **может рассматриваться как специальный экспертологический признак злоупотребления со стороны следователя процессуальным правом на назначение экспертизы,** приведшего к использованию такого инструмента, как судебная экспертиза, не по назначению.

4. Выводы эксперта А.И. Шмелевой по вопросу №4 следует признать **неполными, недоказанными** (не получившими в заключении эксперта А.И. Шмелевой надлежащего обоснования) и **недостоверными.**

5. С учетом изложенного, указанное заключение эксперта **в части** разрешения поставленного перед экспертом **вопроса №3 соответствует** требованиям, предъявляемым к документам подобного рода, однако **в части разрешения поставленных перед экспертом вопросов № 1, № 2 и № 4** характеризуется **существенными специальными лингвистическими и (или) экспертологическими признаками несоответствия** требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Исследование проведено и оформлено в полном соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и действующими процессуальными кодексами РФ.

Члены комиссии специалистов ГЛЭДИС:

Член Научно-методического совета
Гильдии в субъектах РФ и за рубежом,
доцент кафедры общей и социальной
психологии ННГУ имени Н.И.Лобачевского
кандидат психологических наук

С.В. ДАВЫДОВ

**Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член Гильдии,
начальник научно-методического отдела
ГЛЭДИС, кандидат филологических наук**

И.В. ЖАРКОВ

**Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
доцент кафедры
теоретической и прикладной лингвистики
ННГУ имени Н.И.Лобачевского
кандидат филологических наук**

Е.А.КОЛТУНОВА

**Зам. председателя Правления ГЛЭДИС,
действительный член Гильдии,
профессор кафедры массовых
коммуникаций филологического
факультета РУДН, эксперт РАН,
доктор филологических наук**

Г.Н.ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ЗАВЕРЯЮ:

*Н.Ю.МАКСИМОВА,
член Правления Гильдии,
координатор кадровой работы Гильдии*

м.п.

